

Гу Янь в эти дни дома чуть с ума не сошёл. Отец, с возрастом всё больше тянувшийся к шуму и компании, в этот Новый год собрал всех родственников, которых только можно было насчитать до третьего колена. Одних детей по дому бегало больше десятка.

Глядя на эту ораву, Гу Янь ощущал, как у него сжимается череп. Разогнать их он, конечно, не мог — не выставишь же каждого за шкуру. В итоге спрятался на террасе с бокалом чего покрепче.

Но визг и вопли малышей пронзали стены, окна, уши.

Чжоу Цзиншуо тоже вскоре пожаловал, зажав голову руками:

— Они все как заведённые — «дядя, дядя, дядя»! Я уже не могу.

— Дети — зло, — отрезал Гу Янь, лицо у него было мрачное.

Чжоу Цзиншуо вдруг ухмыльнулся:

— А ведь скоро у тебя помолвка. А после — свадьба. А потом дядюшка начнёт подгонять — детей, да побольше. Ты видел, как он умиляется этим шкодам? Подарки — как подушки.

Гу Янь чуть не взорвался при мысли об этом. Так и тянуло врезать этому весельчаку.

Во дворе дети запускали фейерверки. Слуги принесли коробки с бенгальскими огнями, но несколько крепышей сжали всё в кулаках, не оставив слабым и шанса. Те — только шмыгали носами.

Гу Янь нахмурился ещё больше:

— И зачем таких вообще рожать?

— Ты и сам таким был, — усмехнулся Чжоу Цзиншуо. — Всё хотел урвать себе, даже если потом выбрасывал.

Гу Янь промолчал. Он из тех, кто другим не разрешит то, что себе позволяет.

Вдруг один из слабых мальчиков поднял камешек с земли, пошёл на крепышей и отвоевал огоньки. Потом — раздал каждому из своих. Хулиганы в слезы, но огоньки у всех.

Началась потасовка, няни и слуги кинулись разнимать.

Гу Янь невольно улыбнулся. Чжоу Цзиншуо это заметил:

— Вот этот тебе нравится? Жаль, таких тебе не родить.

— Почему не родить? Он — как Сюй Сяочжэнь.

Чжоу удивился. В его памяти Сюй был тихим, мягким, покорным. Но потом вспомнил — как тот в ответ кидался грязью. Да... что-то есть.

Гу Янь бросил взгляд, мол — тебе не понять. Сюй Сяочжэнь покорен только перед ним.

И вот, смотря на того мальчика, Гу Янь вдруг подумал: а ведь с Сюем ребёнок мог бы получиться хороший.

Мальчик или девочка — не важно. Альфа, омега — плевать. Пусть даже бета — с ним за спиной никто бы не посмел обидеть.

Если ребёнок унаследует характер и внешность Сюй Сяочжэня — это будет милейшее создание. Совсем не надоедливое. Придёт, позовёт его: «папа» — и сердце дрогнет.

Сюй — тот, кто будет баловать. У них появится ребёнок — он наверняка округлится, станет мягче, теплее. Из него выйдет заботливый, по-домашнему уютный человек, с той самой природной мягкостью и терпением, которое дарит только любовь.

Он бы не знал забот, жил бы безмятежно, окружённый вниманием и деньгами, его лицо разгладилось бы, кожа — посветлела, а весь он был бы словно воплощение покоя. Как идеальная жена — тихий, кроткий, светлый.

А если ребёнок окажется не таким вредным, как был он сам в детстве — возможно, и он бы стал хорошим отцом.

С ребёнком у Сюя появится опора. Что-то, ради чего стоит жить.

— Подожди-ка! — вдруг очнулся Чжоу Цзиншуо, заметив лёгкую улыбку у него на лице. — Ты чего, хочешь завести бастарда до свадьбы? А Сюй Сяочжэнь вообще в курсе? Он же не дурак!

— Заткнись, — Гу Янь нахмурился. Само слово «бастард» резануло по ушам. — Следи за языком.

Он с грохотом поставил стакан на стол, сверлил друга взглядом, а потом просто развернулся и ушёл.

— А как ещё это назвать? — пробормотал Чжоу, но Гу Янь его уже не слышал.

Он не стал дожидаться окончания праздников — уехал из дома. Как только в голове зародилась мысль, она стала навязчивой. Надо действовать.

Когда он вернулся к Сюю, было уже за полночь. Сюй Сяочжэнь спал, свернувшись калачиком. На огромной двухметровой кровати он занимал уголок, совсем один. В лунном свете его лицо казалось ещё тоньше и нежнее.

Если бы у него родилась дочь, такая же, как он... какая же это была бы красавица. Настоящее сокровище. В сто раз лучше капризной Гу Инин.

С ребёнком у Сюя будет надежда. Не будет так одиноко, когда его нет рядом.

Гу Янь не мог оторвать глаз. Желание стало почти навязчивым. Ребёнок от Сюя.

Он провёл пальцем по его губам. Наклонился. Поцеловал.

Сюй Сяочжэнь проснулся уже в процессе. Понял по грубым, резким движениям: Гу Янь вернулся. Он боялся удариться о спинку кровати — обнял его за шею.

Гу Янь знал, что он не спит. И будто это только подзадорило его. Он двигался ещё сильнее, будто хотел вырезать его изнутри.

Сюй Сяочжэнь в страхе прижимал руки к животу, чувствуя, как он вздувается, и умолял:

— Потихе... помедленнее...

Гу Янь на удивление послушался. Чуть сбавил напор. Но глубину — нет.

— Сяочжэнь, — выдохнул он. Так, будто это имя — всё, что сейчас существует в мире.

— А?.. — Сюй Сяочжэнь был в полусне, растерянный. Гу Янь обычно не говорил в постели — только действовал. Услышать, как он зовёт его по имени — было впервые.

— Сяочжэнь, не ходи больше в университет. Останься дома. Я обеспечу тебя.

— Нет... нельзя... — голос его дрожал. — Я с таким трудом... с таким трудом поступил. Я хочу учиться...

Эти слова прозвучали как обухом по голове. Сюй лежал лицом в подушку, щеки пылали, дыхание сбивалось.

— Всё остальное... всё можно... но... не это...

Гу Янь усмехнулся, нежно прикусил его мочку:

— Бета, учиться на политолога... зачем? Ну ладно, хочешь — учись. Будешь ходить на пары с животом. Я буду тебя встречать. Все увидят.

Он обхватил его за талию и перевернул на себя, лицом к лицу. От этого напора Сюй сорвался в короткий, приглушённый вскрик, прикусил руку, чтобы не вскрикнуть. А потом, когда дыхание выровнялось, он вдруг осознал — что именно только что сказал Гу Янь.

Тот наклонился, поцеловал его:

— Сяочжэнь... роди мне ребёнка.

Он отодвинул ворот, обнажил область железы и вцепился в неё зубами. Двигался жёстко, яростно, будто хотел пройти глубже, пробиться туда, где уже не было входа.

Но как бы он ни старался — ничего не происходило. Потому что внутри у Сюя всё было давно запечатано. Его тело больше не могло...

Сюй Сяочжэнь обмер.

Он поднял глаза — прямо над ним качалась алая нитка, на запястье. В ней — волосок его дочери.

Той, что он так и не увидел. Красный, как кровь, тугой комочек. Маленькая. Рождённая на седьмом месяце. Он носил её под сердцем столько дней и ночей.

Почему она умерла?

И вот сейчас он слышит — «роди мне ребёнка». Словно это так просто. Словно ничего не случилось.

Сюй Сяочжэнь сорвался. Он закричал, задрожал, стал вырываться, сбрасывая с себя руки Гу

Яня. Закутался в одеяло, как в кокон, затрясся. Слезы рвались без остановки. Он сжал ткань в кулаках, сжался весь и захлёбывался от крика:

— НЕ ХОЧУ! Я НЕ ХОЧУ РЕБЁНКА!!!

Сюй Сяочжэнь сжимал запястье до белых костяшек, чувствуя, как красная нить режет ладонь.

Гу Янь был в разгаре возбуждения, когда тот резко оттолкнул его. Прерванное желание вызвало раздражение, но, увидев Сюя свернувшегося под одеялом, всего дрожащего, в слезах, он вдруг остыл. Но вместе с этим пришли злость и непонимание.

Сюй Сяочжэнь ведь так его любит. Почему тогда не хочет родить ему ребёнка?

Если он хотел бы привязать его к себе, разве не должен наоборот — всеми силами стремиться к этому ребёнку?

— Что с тобой? Не хочешь — не надо. Но зачем так реветь? — Гу Янь протянул руки, хотел прижать его к себе, вытереть слёзы.

Но Сюй попятился, как испуганная перепёлка. Глядя на него с болью и страхом, с искажённым от плача лицом. Слезы лились, будто жемчуг — крупные, одна за другой. Он хотел закричать: как ты можешь быть таким жестоким? Как ты вообще мог сказать — «давай ещё одного»?

Но он знал: Гу Янь ничего не знает. Он не знает, что их дочь умерла.

И потому он молчал. Только плакал.

Гу Янь начинал злиться. Ему было невыносимо от этой истерики, он не понимал, в чём дело.

— Всего лишь ребёнок. В чём трагедия?

Сюй долго молчал. Голову сдавливало, как в тисках. Наконец, с трудом выдавил:

— Больно.

Рожать — больно. Терять — больно. Помнить — больно. И даже в ту ночь, в день смерти дочери, когда Гу Янь заставил его пить — боль была такая же.

Но Гу Янь понял всё по-своему. Подумал, что речь о физической боли. Улыбнулся:

— С каких это пор ты стал таким нежным? Я что, избаловал тебя? Помнится, когда ты драками занимался, не жаловался на боль.

Он поднял его вместе с одеялом на руки, понёс в ванную. Сюй вырывался, не хотел, чтобы он к нему прикасался.

Гу Янь помрачнел:

— Неблагодарный...

Желающих родить ему ребёнка — хоть кольцо вокруг всей Империи строй. А Сюй Сяочжэнь не хочет? Да может, когда он сам передумает, уже будет поздно.

Сюй сидел в тёплой воде, немного пришёл в себя. Но всё равно повторял одно и то же:

— Больно... больно...

Гу Янь начал подозревать, что сам виноват — слишком грубо пытался раскрыть его репродуктивный проход. Без железы, без гормональной поддержки, его тело постепенно деградировало, и теперь даже прикосновение — это боль. Отсюда и отторжение.

Они быстро домылись, но даже при этом Гу Янь заметил следы крови. Принёс мазь, хотел обработать, но Сюй дёргался, отталкивал, отводил глаза.

Следующие две недели он прятался от него, избегал прикосновений, пытался даже переселиться в другую комнату.

Гу Янь рвал и метал. Только после слов «ладно, пока не будем» — Сюй стал снова подпускать его к себе хоть чуть-чуть.

Но чем больше Сюй отступал — тем сильнее тянуло Гу Яня вперёд. Не сейчас — так позже. Главное — зачать. А там уже от него никуда не денется. Такие вещи нельзя отдавать на выбор.

Сюй, весь в тревоге, считал дни. И, наконец, наступил день начала семестра.

Утром он пришёл за новыми учебниками. Как вдруг сзади послышалось:

— Брааатик! Брат!

Голос звонкий, сладкий и ласковый. Сердце у любого от такого бы дрогнуло. Раньше кто-то тоже бегал за ним с таким голосом... но теперь он даже не знал, где этот человек.

Он ускорил шаг. Но голос приближался. И вот — кто-то вцепился за воротник его куртки. Следом — тёплое, игривое дыхание у уха:

— Брат! Я тебя столько раз звал! Почему ты не остановился, не подождал меня?

<http://bllate.org/book/14462/1279159>